

Хорошо, что Борона сама по себе не отличалась чрезмерным любопытством, иначе при том, как неумело маскировался маленький бурундук рядом с ней, она бы уже давно извелась.

Кому охота разгадывать человека, с головы до ног окутанного тайнами? Поразмыслив, она пришла к выводу, что только она сама и может позволить себе взять её с собой, ни о чём не расспрашивая.

Мысленно похвалив себя, Борона ощутила, как яркое солнце средиземноморского начала лета и сухой морской ветер быстро высушивают горло. Педро несколько раз вытер пот с лица. Наконец, Борона нашла у обочины лоток с соком из кизила и поспешила купить стакан для Педро.

Оловянная кружка с тёмно-коричневой жидкостью, переключав из рук продавца в руки Педро, уже успела утратить комнатную температуру и начала приятно холодить. Педро залпом выпил содержимое, ощутив блаженство, и, встретившись взглядом с невозмутимыми, чуть насмешливыми глазами Бороны, наконец улыбнулся.

— Спасибо, госпожа Борона.

Лишь бы ты не был таким нервным, мышонок.

Борона допила свою порцию, отдала продавцу две медные монеты и продолжила путь вместе с Педро.

— Впрочем, погода и правда слишком жаркая. Если не боишься обгореть, можешь снять плащ или, скажем, надеть платье — в нём гораздо прохладнее, — предложила Борона. Сама она, будучи одетой в кожаный доспех воина, была вынуждена носить рубашку и брюки, а чтобы скрыть оружие и не привлекать лишнего внимания, не снимала плащ, но, казалось, совсем не страдала от жары: на её лице не было ни капли пота.

Педро, восхищаясь её выносливостью, вежливо ответил:

— Нет, спасибо, я лучше побуду в том же, что и вы. Я... на самом деле я очень боюсь солнца... кожа легко краснеет, так что плащ меня хорошо защищает.

— О? А платье всё же не хочешь? — намеренно поддразнила Борона, отчего Педро густо покраснел. — Я... я... вовсе не...

— Не что? Не девушка?

— Я... — Педро схватился за край плаща, смущённо глядя на неё, и краска залила его лицо до самых ушей. Борона, торжествуя, рассмеялась и по привычке взъерошила ему волосы: — Ну что ты, совсем ты не похож на парня!

— П-правда?! — Педро был одновременно удивлён и раздосадован. Боро́на не переставала смеяться. Неужели этот ребёнок только сегодня осознал, что не похож на мальчика? Неужели у него совсем нет представления о собственной внешности?

Они неспешно шли от северных ворот Лейсенбурга к оживлённым торговым кварталам. Боро́на по пути расспрашивала о местонахождении кузниц и присматривала всякие мелочи. У неё было Пространственное кольцо, так что места хватало — всё, что казалось интересным или полезным, она без колебаний покупала.

Педро следовал за ней, глаза по сторонам. Иногда, увидев что-то любопытное, он набирался храбрости и задавал вопросы. Правда, стоило лавочнику начать красноречиво расхваливать товар, как Педро тут же пускался наутёк и прятался за спину Бороны, чью невозмутимость ничем не прошибить. Но из-за миловидной внешности Педро многие владельцы лавок, даже если сделка не удавалась, были не прочь поболтать с ним.

Купив в кузнице масло для ухода за оружием и точильный камень, Боро́на присмотрела изящный маленький кинжал. Однако, несмотря на красоту, в руках он казался лишь красивой игрушкой, и было сомнительно, годится ли он для защиты или нападения. Как раз когда она собралась вступить в спор с кузнецом, чтобы сбить цену до стоимости безделушки, с улицы донёсся шум.

— Сжечь её! Сжечь! Сжечь! Сжечь!

— Еретик! Предатель! Шлюха! Сжечь эту тварь!

— Сжечь этого ублюдка! Сжечь их! Господь наш превыше всего! Господь наш превыше всего!

Гвалт приближался, и вскоре стали различимы крики толпы. Педро стоял у входа в лавку, выглядывая наружу, но Боро́на отбросила кинжал, подошла и рывком оттащила его назад.

— Осторожнее.

Только она успела это сказать, как мимо хлынула огромная толпа. Широкая улица оказалась забита до отказа. Люди размахивали эмблемами Бога Света, знамёнами церкви и целовали амулеты с сиянием, висевшие у них на шеях. Толпа, подобно речному потоку, неслась вперёд, люди толкались, сбивались в кучи и терлись о каменные стены домов.

— Если в это вляпаться, затопчут насмерть, — сказала Боро́на, отталкивая Педро вглубь лавки. Она холодно наблюдала за происходящим. Старый кузнец, попыхивая трубкой, издал неопределённый хмыкающий звук. Ученики в лавке явно хотели поглазеть, но, опасаясь вспыльчивого мастера, лишь переглядывались, втянув головы в плечи.

— Чего уставились, щенки? Какое вам дело до суда над еретиками? Подкидывайте угля!

Раздувайте огонь! — гаркнул старик на любопытных подмастерьев.

Центр длинной колонны приблизился. Борона задвинула Педро подальше, а сама, словно стена, встала перед ним, бесстрашно глядя на проходящих мимо людей.

В толпе везли две высокие деревянные конструкции, установленные на телегах. На них, как на распятии, были привязаны двое. Их одежда превратилась в лохмотья, тела были залиты кровью, длинные волосы растрёпаны. Лишь по когда-то прекрасным волосам и изящным изгибам тел можно было догадаться, что это две молодые девушки.

— ... — Педро, у которого, очевидно, тоже было острое зрение, схватился за плащ Бороны.

— Что это такое? — повернувшись к старому кузнецу, спросила Борона. Тот стрельнул в неё глазами из-под насупленных бровей: — Еретики, что ж ещё!

Мальчишка-подмастерье, сидевший у двери и сортировавший заготовки для мечей, украдкой поднял голову и прошептал:

— Та, что впереди... она иноземка! Говорят, у неё хвост! А та, что позади — Белика, дочь переписчика с улицы Катеноны. Несколько дней назад на неё донесли, что она прячет у себя дома иноземку. Отряд Святого Кольца провёл обыск, нашёл её и уволок в Храм Божественного Кольца. Вот, суд прошёл, теперь ведут на казнь!

— Жебоко! Ты сорока или иволга? Если хочешь трепать языком, проваливай домой!

— Простите, мастер, я больше не буду...

За те несколько мгновений, что длился разговор, толпа с телегами миновала маленькую кузницу и удалилась. Педро всё не отпускал плащ Бороны, и лишь когда люди почти скрылись из виду, сделал шаг вперёд, выглядывая вслед.

— Хочешь посмотреть? — глядя в ту же сторону, как бы невзначай спросила Борона.

Педро кивнул, заколебался, покачал головой, решительно покачал, но потом снова кивнул.

В конце концов он поднял взгляд на Борону. Та смотрела на конец улицы:

— Пошли, посмотрим.

Борона больше не стала торговаться за кинжал, оплатила его вместе с маслом и камнем и, ведя за собой Педро, последовала за толпой. Улица упиралась в площадь. Выйдя из узкого переулочка

на простор, они оказались под палящим солнцем, которое нещадно заливало белые каменные плиты, слепя глаза отражённым светом.

Далекое синее небо, зелёные деревья, сухой морской ветер — день был настолько прекрасен, что хотелось просто прилечь и вздремнуть, но площадь была забита плотной толпой зевак.

Девушек сняли с деревянных конструкций. Отряд Святого Кольца в белых мундирах с красными накидками подхватил их и поволок на высокий помост, воздвигнутый посреди площади. На помосте стояли два столба, у подножия и позади них были навалены сухие дрова, рядом стояли бочки с горячим маслом — видимо, чтобы полить костёр для пущего эффекта.

На помост поднялись старик с белой бородой в облачении Великого первосвященника и высокий мужчина в парадных доспехах Святого рыцаря. Священник сложил пальцы обеих рук, коснулся лба, затем глаз, затем плеч и возгласил:

— Господь наш превыше всего!

Толпа внизу последовала его примеру, трижды коснувшись лба, глаз и плеч, хором повторяя:

— Господь наш превыше всего!

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы стать свидетелями того, как свет изгоняет скверну, а святость очищает нечистоту. Эта женщина, Олисия Доус, дочь переписчика, в ночь на шестое число приняла в своём доме иноземку!

По знаку священника несколько членов Отряда Святого Кольца и священнослужителей грубо сорвали с одной из девушек остатки одежды. Её нагое белое тело предстало перед всеми.

Честно говоря, это было самое обычное девичье тело: узкие плечи, тонкая талия, холмики груди, плоский живот, ниже — треугольник с вьющимися волосами, стройные ноги и изящные лодыжки.

Она опустила голову, позволяя обращаться с собой столь грубо и унизительно. Длинные каштановые кудри немного прикрывали тело. Ей не пришлось бы терпеть подобные мучения, если бы из-за спины, между бёдер, не тянулся тот самый длинный золотистый хвост в пятнышках.

Подобно кошачьему или леопардовому, хвост гибко качнулся у ног и обвил лодыжку. Но даже этого движения хватило, чтобы толпа ахнула от ужаса:

— О, небеса! Господи помилуй...!

Может быть, многие из них за всю жизнь ни разу не видели настоящих иноземцев. Не видели людей с хвостами, людей с чешуей, людей, которые бегают быстрее лошади и прыгают выше деревьев. Не видели тех, кто умеет летать или управлять растениями, тех, кто красивее самых дивных цветов на свете.

Но это не значит, что их не существует.

Нет, они существуют. Они издревле живут на этом континенте: на Востоке и Западе, в горах Руэти и Лоретим, на равнине Синей реки, в морях Симоисис и Скамандесис, в Великой степи Карте, в Бесконечном лесу, в пустыне Морати. Они есть повсюду. Их жизни когда-то переплетались с человеческими, история людей полна следов и легенд о них. Но сегодня один хвост полукровки-зверолюда способен вызвать такой страх в Средиземноморье.

Борона смотрела на дрожащее на открытом воздухе тело, вспоминая городские ворота Лейсенбурга, на которых, согласно летописям, были высечены из камня шесть великих народов.

Что принесло с собой время — предательство и подозрения, или же семена страха проросли завистью и отчуждением?

Если в этом мире действительно есть боги, то каково же их истинное, лицемерное и переменчивое лицо?

<http://bllate.org/book/21779/2252166>